

1. НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

МЕСХЕТСКИЙ государственный театр был создан два с половиной года назад в районном центре Ахалцихе — туда уехал почти целиком один из курсов Тбилисского театрального института в несколько выпускников культпросветучащца. Средний возраст актеров — 24—25 лет, комсомольцев около тридцати (имеется в виду не только творческий, но и технический состав). Руководит театром главный режиссер Нана Деметрашвили, сейчас ей 29, в директор, заслуженный деятель искусств Михаил Николаевич Медзмаришвили, один из старейших театральных работников Грузии. «Возрастны» актеры два — Тамара Викторовна Черкезшвили и Николай Павлович Замбахидзе, они старожилы города, служили в театре еще до войны. В 41-м театр закрыли: слишком много было других забот. Тамара Викторовна и Николай Павлович занялись культурной работой — в клубе, в народном театре — и вот снова дождался своего часа. Театр обслуживает три района: Ахалцихский, Аспиндзский, Алавердский (полюбая спектаклей в стационаре, половина — выездные), добравается до самых дальних деревень. Это самые первые справочные сведения — чтоб потом уже к ним не возвращаться.

То, что театр в Ахалцихе возник вновь, обусловлено соображениями прививчивости — ведь именно здесь, в Месхетии, много веков назад грузинская культура переживала величайший взлет, здесь родилась и творил Шота Руставели. Потом были разорительные войны, стоившие турецкого владычества, и слишком много, прекрасное осталось только в легендах, но в легендах — осталось. Переходило высокие достижениями из поколения в поколение. О тех трудных столетиях взмозного его еще и сейчас напоминают умершие террасы виноградников, тянущиеся вдоль горных месхетских дорог. — все было сожжено, и даже сорта росшей здесь лозы не определять. Ниде комсомольцы Месхетия взялись за восстановление виноградников, во дело это великое.

И подумалось о том, как это ответственно — начинать новое театральное дело именно здесь! Если конечно, начинать его ответственно и всерьез, намереваясь создавать искусство, достойное настоящего и прошлого своего края, способное обращать людей к мыслям о том, на какой земле они живут.

ГОРОД маленький. Если вата от гостиницы до театра не спеша, получается минут пять. За это время несколько раз слышалось: «Доброе утро, Михаил Николаевич! Доброе утро, Нана Александровна!», — моих спутников знают здесь хорошо.

В театр пришел рано, еще до начала утренних репетиций. В фойе уже людно — то ли клуб интересных встреч, то ли маленький импровизированный детский сад. Сейчас скорее все-таки детский сад. Смех смешом, в семье в театре молодые, летших девять некуда, и так уж повелось, что все с утра здесь — родители уйдут репетировать, а актеры, свободные на эти часы от рабо-

ты, приглядят за непоседливым и шумным потомством.

Клубом театральное фойе становится в понедельник вечером (это выходной). Здесь проходят традиционные вечера, все более многолюдные. — Застеры в гости слушают музыку, читают стихи, беседуют, совместными усилиями рождая очаг духовного общения.

Вот то, что бросалось в глаза сразу же.

ПЕРВОЕ субто театральное впечатление — выездной спектакль в районном центре Аспиназа. Клуб набит до отказа, у проезжей — автобусы из окрестных сел. Треть автобусам так и пришлось уехать, не разгрузившись — огорченным пассажирам пообещали повторить спектакль в ближайшее время. Люди в вестибюле, в зале одеты поразному, большинство — во все лучшее. Рассказывают, что было так не всегда. Но вот однажды зрителей перед началом стали встречать актеры в актрисы, наряженные, подтянутые, невяжучко, делкатно давая понять, что у зрителей тоже есть обязательства перед театром, что даже, казалось бы, мелочи выливают на общий тонус взаимоотношений сцены и зала.

Игралась в этот вечер забавная комедия, точно воспроизводящая быт и нравы здешних мест, с довольно немудреными сюжетными ходами, одноакнейшим характером. И было повачалу известное разочарование, ощущение компромисса — назначение спектакля удалялось не сразу.

Мне приходилось влетать в периферийный театр очень серьезные работы, катастрофически не собирающие зрителей. Видела в лихих провинциальных боявиках, где обильно бурно реагировавшая публика вводило на грустные размышления — так все было откровенно, завеломо рассчитано на незыскательность. Спектакль, который довелось посмотреть в Аспиназе (его поставил режиссер Г. Маджарашвили), не претендовал на откровения, уверенно и спокойно хранил в себе достоинство искусства, как хранил его наряженные актеры, что прежде встречали зрителей в фойе, — в этом заключалось его обаяние, его смысл.

Достоинство искусства: высокомерие искусства; заискивающее подлаживание искусства — как тут элегантно порою провести видимые границы, обозначить четкие рубежи. Но вот и смотрел на яркую, острохарактерную актрису Аию Сулашвили, игравшую трагично скандальною сюжетную невестку. — да, она не могла сказать своей работой многого, но то, что удавалось сказать, было правдиво и честно. Да она «кучалась» в роли, педагоговала выигрышные места, вызывая безудержный смех зала, но она не на секунду не забывала о том, что этот смех не может быть самоцелью. Спектакль говорил предельно просто, каждому достижимые вещи — что надо быть верным семье, дому, тебя вырастающему, что человек, пренебрегший этими ценностями, утрачивает нечто важное. Нравственный итог спектакля был неважак, но он

был. Может быть, так и должно начинаться эстетическое воспитание?

— Мы не можем без таких спектаклей, — убежденно говорят в театре, — нас часто смотрят люди, едва приобщающиеся к искусству сцены, мы должны привлекать их к себе, а путь к сложному лежит через простое.

Однако пьесы, подобные упомянутой, не составляют основу репертуара. Основа — это «Мария Тюдор», «Дневник Анны Франк». Это готовящийся Мольер, замудренный Чехов. Это серьезные пьесы о современности, о Великой Отечественной. Это «Телоре» Отара Чхеидзе — грузинская версия Ивана Сусянина, спектакль, которым открылся театр, которым теперь он начинает каждые гастроли. Это «Срок 24 часа» В. Кавделак — пьеса рассказывает об острейшем, драматичнейшем моменте гражданской войны в Грузии.

ТЕЛОРЕ — патетическая легенда, задуманная в стиле греческой трагедии Героя — словно ожившие фрески древнего монастыря Варзана. Н. Деметрашвили ставит монументальный спектакль в истинном смысле слова, когда торжественная скульптурность мизансцен, условная приподнятость речи соединяются с психологической достоверностью, с живой правдой сценического существования.

Телоре — Иосиф Бакурдзе, Епископ — Пьер Кадатшвили; вы с напряжением следите за их нравственно-философским поединком. Идти ли на мучительные компромиссы с врагом, палъ за палю отдавая ему свою землю, свою душу, ради того, чтобы сохранить хоть что-то? Или каждому встать грудью, и если Родине понадобится твоя жизнь, отдать ее не раздумывая? В первой позиции, позиция Епископа, есть своя логика в своя правда, но театр всецело на стороне Телоре, для которого мужество, стойкость, верность не могут быть понятиями относительными, зависящими от тех или иных обстоятельств.

Выразительнейший момент спектакля — Телоре выдвигается быть проводником, вестником врагов к палю, потому что впадет: среди окружающих есть люди, которые по слабости, трусости уже готовы к предательству. И тут же те, которые были готовы к нему, с радостным облегчением сыплют проклятия на его голову; главное самоутверждение нечестности — когда кто-то другой обнаруживает свою душевную мелочность раньше, избавая до времени его самого от необходимости сделать это. Другие растеряны: сматы: она не ждала такого от человека, которого считала своей правдой, своей совестью. И в конце — трагическая и величественная весть о том, что Телоре завел врагов в пропасть, погубил их в погуб сам, — весть, которая каждого ставит перед судом совести и в лучших пробуждает новые силы для борьбы.

Молодые актеры добились очень важно: они шая от себя, от своих индивидуальностей, духовного склада, но в сценической

легенде не выглядели рожеными, точно и строго выдерживали ее стиль.

Спектакль «Срок 24 часа», поставленный Г. Маджарашвили, — здесь умения перевоплотиться в человека другой эпохи, другого мира не всегда хватало. Сценическую естественность, непринужденность актеры вполне усвоили, профессионализм им еще предстоит набирать: сейчас они нередко пользуются средствами, лежащими на поверхности. Но, несмотря на это, духовное столкновение, взаимодействие большевика Серго в белого генерала Маджарашвили в конце концов захватывает. Театр сумел показать, как и почему высокое чувство Родины возобладало в генерале над ложной белой идеей, как и почему подчинился он отеческому шатерсам Родины приказу Серго.

ТАК получалось, что я прониклась симпатией к людям, еще не видя их спектаклей. И было божно повачалу, а варт то главное, ради чего, собственно, ребята в собирались здесь, воевать в противоречии с привлекательной картиной веселых дружных человеческих будней, которая открывалась перед моими глазами? И вот далеко не весь репертуар, просто несколько спектаклей, в общем-то, случайно пришел, шихся на дня моей командировки. Тем премежательней, что и в случайности своей они показательны.

Подробный рецензия и писать не собирался, хотел единственно того, чтобы читатель почувствовал: упомянутое противоречие не ощущалось ни разу. Были работы более интересные и менее интересные, но все время присутствовало единство того, чем люди живут, с тем, о чем они рассказывают со сцены. В результате потенциальные возможности их, нравственно-художественные перспективы сказались, по моему, достаточно отчетливо. И — что самое важное — естественно обозначалась гражданская, человеческая последовательность. Обозначалась основная тема театра.

Эта тема верности, какими бы сложностями и разочарованиями она не испытывалась, — верности самому себе, другу, любимой женщине, земле, Родине. Ребята собрались вместе, потому что верили: она нужна друг другу. Потом было разное, она была в измена делу, но она оказалась горючей частью, и вера стала выстраданной, дорогой. Ребята приехали сюда, потому что верили: она нужна этому краю. Не всегда и не сразу зритель их понимал, но два с половиной года в Месхетии, где сегодня каждая премьера театра становится общим праздником, неопровержимо убавал: да, они действительно нужны. Оказалось необходимым, чтобы они укрепляли в людях те же чувства, которые владеют ими самих. И именно поэтому они несут свою главную тему со сцены так последовательно, искренне, чисто.

В следующем письме — немного подробнее о том, как они живут ею.

К. ЦЕРБАКОВ,
(Наш спец. корр.)

Тбилиси — Месхетия.

КОМОДОЛЬСКИИ ПРАВДА
1970